

18+

Cathy Lee

ТК для драконов

Cathy Lee

ТК для драконов

<https://litres.ru/74306093>

ISBN 9785007085434

Аннотация

Эльвира, ас налоговой отчетности, умирает от инфаркта и попадает в мир драконов в тело леди Эларии. Пока другие невесты на отборе пускают в ход магию и интриги, Элария видит лишь хаос: нарушения охраны труда, отсутствие графиков и полный управленческий бардак.

СЕО-Дракон даже не подозревает, что в его замок Терний пришла проверка, которую он не ждал. У неё нет крыльев, но её острый язык опаснее любого клыка. Начинается самая жесткая корпоративная война!

Содержание

Глава 1. Отбор невест в замке Терний	5
Глава 2. Ночная исповедь у Старого Дуба	27
Глава 3. Вакансия: Глава департамента Драко- душ	42
Глава 4. Труд, дисциплина и драконий гнев	55
Конец ознакомительного фрагмента.	72

ТК для драконов

Cathy Lee

© Cathy Lee, 2026

ISBN 978-5-0070-8543-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Отбор невест в замке Терний

Эльвира.

Жара в Ташкенте была такой, что воздух можно было резать ножом и намазывать на хлеб. В офисе пахло нагретым пластиком, дешевым дезодорантом бухгалтера и безысходностью. Старый кондиционер «Самсунг» на стене дребезжал в предсмертной агонии, выплевывая порции пыльного воздуха, который охлаждал ровно ничего.

На мониторе расплывалась таблица Excel — седьмая по счету за этот вечер. Цифры 1С плясали перед глазами канкан. Я потянулась к кружке, надеясь на глоток спасительного кофеина, но в горло проскользнула лишь горькая, остывшая жижа с отчетливым привкусом пережженных зерен и гари от старой проводки.

На подоконнике задыхалась муха. Она билась о стекло с тупым, методичным звуком, который ввинчивался в мой мозг вместо пульса. — Слышь, подруга, — прохрипела я, не отрывая взгляда от монитора. — У тебя хотя бы есть шанс вылететь в окно. У меня — только в окно налоговой отчетности.

В груди внезапно полыхнуло. Не огнем страсти, а тяжелым, свинцовым холодом. Пальцы, замерзшие на мышке,

онемели. Сердце сделало странный кульбит, будто решило уволиться без отработки в две недели. Я попыталась вдохнуть, но легкие заполнились не кислородом, а пустотой.

Мир вокруг начал стремительно терять четкость. Офисные стены, серые папки с надписью «Приказы 2024» и даже та самая муха — всё превратилось в длинные светящиеся нити. Я проваливалась в серый кисель, но в голове, как заевшая пластинка, крутилась одна-единственная мысль:

«Господи, а годовой? Кто же сдает годовой отчет? Там же в тринадцатой колонке дебет с кредитом не сошелся на три копейки... Меня же проверкой сожрут. Прямо в гробу достанут».

Смешно. Умирать в сорок лет от инфаркта на рабочем месте — это так по-кадровски. Иронично до тошноты. Я почувствовала, как моё сознание отрывается от пола, пролетает сквозь потолок и устремляется куда-то, где нет налоговых инспекторов.

Тьма не была вечной. Она сменилась странным ощущением покалывания во всем теле, будто я отсидела ногу, только «засидела» я всю себя.

Вместо запаха жженой пыли в ноздри ударил резкий, до головокружения свежий аромат горной лаванды и мокрого камня. Я открыла глаза и тут же зажмурилась. Надо мной был не армстронговский потолок с перегоревшей лампой, а высокий свод из темного, почти черного камня, мерцающий в свете факелов.

Я попыталась подняться и запуталась в собственных ногах. Точнее, в бесконечных слоях тяжелой ткани. — Что за... — голос прозвучал незнакомо, выше и звонче.

Вместо синтетических брюк и блузки на мне было нечто невообразимое: тяжелый шелк цвета пыльной розы, корсет, впившийся в ребра так, что любой трудовой кодекс признал бы это пыткой, и кружева, которые кололи шею.

Я посмотрела на свои руки. Пальцы были тонкими, длинными, без привычных мозолей от клавиатуры. — Так, — я глубоко вдохнула лавандовый воздух. — Если это рай, то почему здесь так тесно в груди? А если это дурдом, то где мой ноутбук?!

Из тени коридора послышался шелест шагов. — Леди Элария? — раздался холодный женский голос. — Вы снова сбежали из примерной залы? Его Величество не терпит опозданий на отбор.

Я медленно повернула голову. «Леди Элария»? «Его Величество»? Похоже, мой аудит только что вышел на международный... то есть, межмировой уровень.

Элария.

Обсидиановые шпильки замка Терний вонзились в низкое небо, как когти огромного хищника, решившего прихлопнуть эту долину вместе со всеми нами. Если это и была сказка, то писал её явно любитель готики и неоправданной жестокости.

Я сделала осторожный вдох, но рёбра тут же встретились с китовым усом корсета. Проклятье, я всерьёз начала скучать по своей старой офисной блузке на два размера больше, в которой можно было не только дышать, но и спрятать пачку печенья «Юбилейное». Здесь же моим единственным аксессуаром было головокружение и острое желание выписать местному модельеру штраф за нарушение норм охраны здоровья.

Зал ожидания, куда нас согнали, напоминал нечто среднее между антикварным магазином и террариумом. Повсюду золото, бархат и зеркала, в которых отражались мои «коллеги» по несчастью — три десятка девиц с лицами такими невинными, что за каждым вторым взглядом так и чудился припрятанный кинжал.

Конкуренция здесь была повыше, чем на позицию топ-менеджера в «Асклепий» в разгар кризиса. Девушки измеряли друг друга взглядами-рентгенами, оценивая стоимость кружев и глубину декольте.

— Ты только посмотри на это недоразумение, — донёсся до меня ядовитый шепот справа.

Высокая блондинка в платье цвета «вырви-глаз-индиго» рассматривала мои руки, словно я только что вышла из свинарника, а не из облака лавандовой магии.

— Ткань прошлогодняя, осанка как у конюха. Неужели в южных провинциях совсем перевелись благородные девы?

Я медленно повернулась к ней, включая режим «главный

кадровик на собеседовании с наглым стажером».

— Милочка, — мой голос прозвучал суше, чем прошлогодний отчет. — Моя осанка — это результат работы над собой, а не стояния в очереди за дешевым вниманием. А что касается ткани... В моем мире это называется «винтажный минимализм». Тебе не понять, ты слишком занята попытками не вывалиться из корсета.

Блондинка поперхнулась воздухом, а её подружки замерли.

— Да как ты... Ты хоть знаешь, кто мой отец? — прошипела она, сужая глаза.

— Понятия не имею. Но судя по твоему лексикону, он либо забыл нанять тебе учителей, либо ты — его самая неудачная инвестиция.

Я отвернулась, оставив её глотать возмущение. Если эти «невесты» думали, что я буду играть по их правилам, они сильно ошибались. Я пришла сюда не за принцем-драконом. Я пришла, чтобы понять, кто здесь СЕО, и почему в этом замке такой бардак с логистикой и этикой.

Подглазурные зеркала в зале внезапно подернулись дымкой. Отбор официально начинался. Я поправила колючее кружево на запястье и подумала: «Ну, СЕО готовься. К тебе пришла проверка, которую ты не ждал».

Двери главного зала распахнулись с таким грохотом, будто их открывал лично палач. Нас выстроили в две шеренги, создавая живой коридор из шелка, пудры и плохо скрывае-

мой ненависти. Это называлось «Парад невест», но в моей голове картинка упорно именовалась «Массовое собеседование на позицию, должностные инструкции к которой никто не читал».

Я стояла в середине строя и, чтобы не упасть в обморок от нехватки кислорода, занялась привычным делом — оценкой персонала. Профдеформация — штука страшная: даже в другом мире я видела не прекрасных дам, а соискательниц на вакансию «Жена Дракона» (оклад — корона, график — ненормированный, риск производственного травматизма — 100%).

— Так, посмотрим, что у нас в кадровом резерве, — пробормотала я под нос, скользя взглядом по соседкам.

Слева стояла девица в таком глубоком декольте, что оно граничило с административным правонарушением. *«Объективные данные: резюме пустое, из достижений — только умение хлопать ресницами в такт музыке. Квалификация — ноль. Зато пафоса на три транснациональных корпорации».*

Справа — рыжая бестия, чей корсет был затянут так туго, что лицо приобрело багровый оттенок переспелого томата. *«Стрессоустойчивость — низкая. Судя по выражению лица, она сейчас либо упадет, либо взорвется. Не годна для работы в условиях многозадачности».*

Чуть дальше виднелась та самая блондинка-индиго. Она стояла с таким видом, будто лично изобрела магию и те-

перь собиралась брать роялти за каждый вдох окружающих. *«Классический пример „дочки маминой подружки“. Переоцененный актив с раздутым эго. При первом же кризисе уйдет на больничный».*

— Господи, Вальдариан, ну и выбор у тебя, — вздохнула я. — Ни одного вменяемого кандидата. Сплошной фасад, а за ним — пустошь и гул ветра.

В этот момент по залу пронесся холодный сквозняк, колыхнувший пламя свечей в тяжелых канделябрах. Шорох страниц огромного фолианта, который нес за собой сухопарый распорядитель, прозвучал в тишине как выстрел.

— Леди Элария из Южных земель! — выкрикнул он, и я почувствовала на себе сотню оценивающих взглядов.

Я расправила плечи, игнорируя протестующий скрип корсета. Ну что ж, раз уж я попала в этот отдел кадров из преисподней, пора показать им, как выглядит настоящий профессионал. Даже если из оружия у меня только острый язык и привычка доводить любое дело до логического финала.

— Иду-иду, — шепнула я себе. — Только не ждите, что я буду делать реверансы. Мои колени застрахованы только от производственных травм, а не от поклонов тиранам.

В зале внезапно стало холоднее, и дело было не в сквозняке из открытых порталов. Толпа невест расступилась, пропуская её.

Леди Сцилла плыла по паркету, словно лебедь, который в тайне подрабатывает серийным убийцей. Её платье из черно-

го атласа отливало сталью, а на тонкой шее блестели рубины, похожие на застывшие капли свежей крови. Если все остальные здесь были «кандидатами без опыта», то Сцилла явно метила в кресло гендиректора через трупы предшественников.

Она остановилась прямо напротив меня. Она была выше, тоньше и смотрела на мир так, будто мы все — досадные пятна грязи на её безупречном шлейфе.

— Ты здесь ненадолго, пустышка, — прошипела она, наклонившись к моему уху. Аромат её духов — терпкий, с нотами горького миндаля и яда — заполнил всё пространство. — Замок Терний не прощает безродных выскочек. Наслаждайся последним ужином, пока тебя не выставили за ворота босиком.

Она отстранилась, одарив меня ледяной улыбкой, от которой у нормального человека должны были подкоситься ноги. Но я за свою карьеру видела бухгалтеров в день годовой проверки и акционеров в момент банкротства. Меня этим взглядом «королевы бензоколонки» было не пронять.

Я не стала шипеть в ответ. Я просто медленно, с профессиональной скукой, осмотрела её с головы до ног, задержав взгляд на слишком туго затянутой шнуровке её платья.

«Милочка, — ответила я ей одним лишь взглядом, — я и не из таких холдингов стерв выживала. Ты для меня — просто конфликтный сотрудник, который подлежит сокращению по результатам первого же аудита».

— У вас тушь потекла, — негромко и абсолютно буднично произнесла я, слегка приподняв бровь. — И совет на будущее: не стоит так сильно сжимать челюсти. От этого лицо кажется старше, а нам ведь нужен «товарный вид» для Его Величества, не так ли?

Сцилла на мгновение лишилась дара речи. Её глаза сузились до щелочек, а в глубине зрачков полыхало багровое пламя — настоящая магия, опасная и необузданная.

— Ты пожалеешь, что открыла рот, — едва слышно бросила она.

— Оформите претензию в письменном виде, рассмотрю в течение десяти рабочих дней, — парировала я, расплываясь в самой фальшивой улыбке, на которую была способна.

Она крутанулась на каблуках, обдав меня волной ледяного воздуха. Ну что ж, первый раунд за HR-отделом. Похоже, отбор невест обещал стать самой увлекательной корпоративной войной в моей жизни.

Распорядитель взмахнул жезлом, и вдоль стен с гулом повернулись массивные рамы. Магические зеркала. Они не просто отражали — они судили. По залу поползли шепотки: «Зеркала Правды не врут», «Они вытянут самую суть». Девичьи заволновались, то и дело поправляя локоны и втягивая животы, будто пытались обмануть сканер в аэропорту.

Очередь двигалась медленно. Каждая невеста замирала перед стеклом, которое начинало сиять: у кого-то розовым (красота есть, магии — кот наплакал), у кого-то золотистым

(завидный потенциал). Сцилла прошла мимо зеркал, и те буквально взорвались ослепительным багровым светом. Она обернулась на меня, победно вскинув подбородок.

Когда настала моя очередь, я подошла к зеркалу с лицом человека, который три года подряд проходил выездную налоговую проверку без единого штрафа. Меня не пугали прозрачные рожи в отражении и магический гул. Что такое «суд магии» по сравнению с аудитором, который нашел несоответствие в актах выполненных работ за 2021 год?

Зеркало попыталось «считать» меня. Поверхность пошла рябью, внутри что-то зашипело, как рассерженная кошка.

— Ну? — негромко спросила я у своего отражения. — Что встало? Лицензия закончилась или софт завис? Давай, выдавай результат, у меня тайминг.

Стекло вдруг подернулось серой дымкой. Вместо того чтобы светиться привычными цветами, оно начало показывать странные вещи: бесконечные стопки бумаг, кружку с недопитым кофе и мой старый калькулятор «Citizen». Зеркало явно было в шоке. Оно не понимало, как классифицировать «магию кадровика».

— Это что еще за ересь? — распорядитель подошел ближе, шурясь. — Где сияние? Где уровень силы?

— Это называется «профессиональная деформация», — пояснила я, глядя прямо в глубину зеркального полотна. — Моя магия не для дискотек. Она — для порядка.

Зеркало вдруг обиженно звякнуло и выдало ровный,

стальной блеск. Не золото, не изумруд, а холодный цвет офисного степлера.

— Годна? — уточнила я у онемевшего распорядителя.

— Э-э... Проходите, леди, — он вытер пот со лба. — В протоколе запишем как «неопознанный потенциал высокого давления».

Я прошла мимо Сциллы, чье лицо вытянулось от недоумения. — Не переживай, — бросила я ей на ходу. — Твои рубины светят ярко, но мои таблицы всегда бьют точно в цель.

Следующим этапом был обед, и я надеялась, что магические вилки окажутся менее капризными, чем местное оборудование для тестирования персонала.

Зал превратился в банку с пауками, где каждый выдох был пропитан пудрой и дешевыми (по моим меркам) интригами. Магические свечи чадили, а распорядитель начал зачитывать правила этикета, которые по объему могли потягаться с уставом внутренней службы. Моя голова гудела. Если я не сниму этот корсет или хотя бы не вдохну что-то, кроме аромата чужих амбиций, замок Терний получит первый за свою историю труп от кадрового истощения.

Пользуясь тем, что Сцилла устроила показательное выступление перед зеркалами, я боком, стараясь не привлекать внимания, скользнула за тяжелую портьеру. Ножки в атласных туфельках, совершенно не предназначенных для ходьбы, быстро нашли выход на боковую галерею.

Холодный ночной воздух ударил в лицо, выбивая из лег-

ких остатки душевного парфюма. Я почти бежала, ориентируясь на серебристое сияние внизу. Гравий дорожек скрипел под ногами, как зубы бухгалтера при виде недоимки, но я не останавливалась, пока за спиной не стихли голоса и пафосная музыка оркестра.

Замок остался позади — огромная черная глыба, сверкающая огнями, как офисный центр в ночь дедлайна. А впереди раскинулось озеро.

— Наконец-то, — выдохнула я, опираясь на ствол какого-то узловатого дерева. — Тишина. Никаких «Ваших Высочеств», никаких магических сканеров. Только я и нормальная, нелицензированная природа.

Вода была неподвижной, как зеркало, в котором забыли нарисовать отражение. От нее тянуло прохладой и странным, едва уловимым запахом озона. Я стянула перчатки, чувствуя, как кожа наконец-то дышит.

— Если это и есть мой новый офис, то планировка мне нравится, — пробормотала я, вглядываясь в темную гладь. — Осталось только выяснить, кто здесь арендодатель и почему у него такие проблемы с корпоративной культурой.

Где-то в глубине сада хрустнула ветка. Я замерла. В Ташкенте после такого звука обычно спрашивали сигарету, но здесь, в мире драконов, варианты могли быть куда экзотичнее.

Вальдариан.

Копошение этих надушенных девиц внизу вызывало у ме-

ня лишь одно желание — обернуться драконом и хорошенько проветрить зал взмахом крыльев. Или просто спалить всё к чертям, чтобы не видеть их фальшивых реверансов.

Отбор. Древняя традиция, ставшая моим проклятием. Совет Старейшин нашептывал, что без спутницы пламя внутри меня станет нестабильным, а империя Терний — уязвимой. Им нужна не просто женщина, им нужен «баланс сил». Но для меня это выглядело как бесконечный смотр бесполезного инвентаря.

Я наблюдал за ними с высоты своего трона, скрытый в тени балдахина. Мои зоркие глаза отмечали каждую деталь. Вот они — мои потенциальные «супружницы». Десятки «благородных сосудов», чей потенциал не выше, чем у кухонной магии.

Конкуренция в этом зале была свирепее, чем битва за место Первого Магистра в Высшем Круге Тени. Каждая из них мнила себя единственной и неповторимой, готовой вцепиться в горло сопернице ради близости к престолу.

— Взгляните на них, Ваше Величество, — проскрипел над ухом Магистр Кодекс. — Цвет империи. Лучшие души, отобранные для вашего процветания.

«Цвет? Скорее, сорняки, обильно политые амбициями своих отцов», — подумал я, скушаяще подперев голову рукой.

Я видел леди Сциллу. Она двигалась среди остальных, как хищница в загоне с овцами. Её мощь была очевидна, но она

была предсказуема, как закат. Она жаждала власти, а не меня.

Но среди этого парада одинаковых лиц и пышных юбок мой взгляд внезапно зацепился за одну фигуру. Она стояла в стороне, не пытаясь выпятиться вперед. В её осанке было что-то странное... холодное. Она не трепетала. Она... рассматривала моих придворных душ так, словно пересчитывала мешки с овсом на складе.

В её глазах не было обожания. Там была оценка. Сухая, расчетливая и поразительно наглая.

— Кто это? — я указал на девушку в платье цвета пыльной розы.

Кодекс зашуршал пергаментами, его пальцы задрожали. — Э-э... леди Эллария из Южных пределов. Странная особа, Ваше Величество. Её природа... смутна. Зеркала Истины выдали вместо сияния какую-то серую хмарь и изображения непонятных артефактов. Мы полагаем, у неё поврежден раскусодок или она скрывает темный дар.

Я прищурился. Она как раз что-то выговаривала Сцилле, и, судя по тому, как та побледнела, слова Элларии жалили больнее, чем хвост скорпиона.

— Неопознанный потенциал, говоришь? — я почувствовал, как внутри шевельнулось давно забытое любопытство. — Кажется, этот отбор перестает быть пыткой.

Она вела себя так, будто она здесь — Верховный Судия, а все мы — лишь неудачно составленный список повинно-

стей. Мне захотелось узнать, на что еще способна эта «Зорчая душ», которая не боится смотреть смерти — и мне — прямо в глаза.

Шум в зале нарастал. Распорядитель объявил начало шествия, и «благородные сосуды» поплыли мимо моего трона, выставляя напоказ свои прелести и туго затянутые талии. Это побоище шелков и кружев должно было демонстрировать их плодовитость и готовность служить короне, но я видел лишь бесконечный ряд пустых амбиций.

Я лениво перевел взгляд на Элларию. Она не плыла — она стояла, выпрямившись, как стальной клинок, воткнутый в болото. Но самое интересное было в её глазах. Она не смотрела на меня с вожделением или страхом. Она... изучала других дев.

Её взгляд перемещался с одной шеи на другую, задерживался на слишком глубоких вырезах платьев и кривых швах. В её выражении лица читалось не женское соперничество, а некое брезгливое недоумение. Будто она была Зорчей, которой на смотр пригнали стадо хромых коров вместо породистых скакунов.

— Магистр, — не оборачиваясь, позвал я Кодекса. — О чем она может думать с таким лицом? Кажется, она вот-вот плюнет на мой безупречный паркет.

— Леди Эллария ведет себя в высшей степени... неподобающе, — пролепетал старик, вглядываясь в свои записи. — Она шепчет странные слова. Мои слухачи доложили, что она

называет леди Гертруду «пустым свитком без печати», а леди Брунгильду — «кандидатом на вылет по причине отсутствия внутреннего стержня».

Я едва сдержал усмешку. Элария смотрела на вырезы невест так, словно оценивала их пригодность для какой-то неведомой мне службы. В её взгляде было слишком много смысла и ни капли почтения к традиции.

«Много пафоса, ноль сути», — вот что я прочитал в ее прищуренных глазах, когда она скользнула взором по очередной пышной юбке.

Для неё этот священный ритуал был не шансом обрести величие, а крайне неудачно организованным сбором придворных душ. Она оценивала их квалификацию — или её полное отсутствие — с такой профессиональной жесткостью, какая редко встречается даже у моих палачей.

Она не искала любви. Она искала порядок в этом хаосе из кружев и фальши. И, судя по её поджатым губам, она его не находила.

— Она смотрит на них, как на дефектный товар в лавке старьевщика, — прошептал я сам себе.

Её присутствие в этом зале было подобно ледяному сквозняку. И, видит бездна, мне впервые за вечер захотелось распахнуть окна пошире.

Я подался вперед, не в силах оторвать глаз от разыгравшейся мизансцены. Леди Сцилла, моя главная головная боль и дочь самого влиятельного Лорда-хранителя, решила, что

пришло время обозначить границы своей территории. Она приблизилась к Эларии, подобно ядовитой змее, скользящей среди цветов.

С высоты своего трона я не слышал слов, но видел, как Сцилла склонила голову, обдавая незнакомку своим высокомерным холодом. Её губы шевелились, выплевывая яд — я почти физически ощутил это привычное «Ты здесь ненадолго, пустышка», которое она адресовала каждой, кто смел дышать с ней одним воздухом. Сцилла была уверена в своей победе; она была рождена для этого Двора, её душа была выкована из интриг и старой магии.

Но реакция Эларии... это было нечто из ряда вон выходящее.

Любая другая дева на её месте уже бы либо расплакалась, либо начала судорожно оправдываться, либо — что еще хуже — попыталась бы ответить тем же мелочным злословием. Но Элария лишь медленно, с каким-то пугающим спокойствием, подняла взгляд.

Она не испугалась. Она посмотрела на Сциллу так, как опытный Наставник смотрит на нерадивого послушника, который в сотый раз путает формулу заклинания. В её глазах промелькнула такая безбрежная уверенность и... усталость? Будто она за свою жизнь повидала сотни таких Сцилл и отправила их в изгнание одним росчерком пера.

«Милочка, — кричало каждое движение её бровей, — я выживала в таких серпентариях и среди таких хищных

гильдий, по сравнению с которыми твой замок — просто детская песочница. Твой яд для меня — не более чем несвежая краска на устаревшем свитке».

— Клянусь теньями, — выдохнул я, чувствуя, как когти произвольно царапнули золото подлокотника. — Она её даже не заметила. Она её... проинспектировала?

Элария что-то ответила — коротко, сухо, и по лицу Сциллы пробежала судорога ярости. Фаворитка отпрянула так, словно наткнулась на невидимый барьер из чистого льда.

— Магистр, запишите, — мой голос стал опасно тихим. — Леди Элария обладает иммунитетом к придворной заразе. Это качество ценнее, чем вся магия крови в роду Сциллы.

Я начал понимать: эта женщина не просто «не отсюда». Она принесла с собой законы, перед которыми наши интриги кажутся мышьиной возней. Она была Зорчей, которая знала цену каждой душе в этом зале, и, кажется, цена Сциллы в её списках была крайне мала.

Настало время Великого Свечения. Распорядитель взмахнул жезлом, пробуждая Зеркала Сути — древние артефакты, которые не умеют лгать. Они вытягивают наружу всё: и чистоту крови, и объем маны, и гниль в помыслах.

Девы заволновались. Я видел, как они судорожно поправляют локоны, будто стекло можно обмануть удачной прической. Одна за другой они подходили к рамам, и зал заливалось то розовым девичьим светом, то золотом амбиций. Сцилла прошла мимо зеркал, и те взревели багровым пла-

менем — мощь её рода была неоспорима, хоть и отдавала привкусом железа. Она бросила на Элларию взгляд, полный торжества, прежде чем отойти в сторону.

А затем к зеркалу шагнула Эллария.

Я подался вперед, сжимая кулаки. Она шла к артефакту, который пугал даже бывалых воинов, с таким видом, будто направлялась к конторке уставшего писца. На её лице не было ни капли священного трепета. Скорее — ледяная решимость человека, который не раз и не два стоял перед Верховными Судьями своего мира и выходил победителем.

Она замерла перед зеркалом. Поверхность стекла вздрогнула. Оно попыталось «считать» её, как и всех остальных, но вместо привычного сияния магии... зеркало начало захлебываться.

Внутри отражения поплыли странные тени. Вместо стихий огня или воздуха там замелькали ровные ряды непонятных знаков, стопки белых листов и какие-то черные угловатые предметы. Артефакт зашипел, как раскаленный металл, опущенный в воду.

— Что это за магия? — Магистр Кодекс вскочил, выронив перо. — Зеркало не показывает её красоту! Оно показывает... порядок?

Стекло пошло трещинами по краям, пытаясь классифицировать душу, для которой порядок — это и есть высшая сила. Эллария же стояла абсолютно неподвижно, сложив руки на животе, и смотрела на свое искаженное отражение с такой

профессиональной скукой, что мне стало не по себе. Она не боялась, что зеркало найдет в ней изъян. Она ждала, когда оно закончит свою «проверку», чтобы пойти дальше.

Наконец, зеркало сдалось. Оно не вспыхнуло золотом, оно просто... выровнялось, став идеально прозрачным и холодным, как сталь. Ровный блеск без единого пятнышка фальши.

— Неопознанный потенциал высокого давления, — выдавил распорядитель, стирая пот со лба. — Проходите, леди... э-э... Элария. Ваша суть... тверда, как скала.

Она коротко кивнула, даже не улыбнувшись. Проходя мимо онемевшей Сциллы, Элария лишь поправила кружево на рукаве, словно вся эта магия была лишь досадной задержкой в её плотном графике.

— Она не просто Зорчая, — прошептал я, чувствуя, как внутри разгорается опасный интерес. — Она сама — закон. И, кажется, мой замок для неё — всего лишь объект для глобальной ревизии.

Запах надушенных тел, воска и фальшивых восторгов стал невыносимым. Я чувствовал, как под кожей на затылке начинает зудеть чешуя — верный признак того, что драконья кровь требует простора, а не этого позолоченного склепа. Но Элария... она сорвалась с места первой.

Я заметил её маневр боковым зрением. Пока Сцилла упивалась своим триумфом у Зеркал, а Совет обсуждал «стальной потенциал» южанки, Элария изящно, словно опытный

лазутчик, скользнула за тяжелую портьеру западного крыла.

— Ваше Величество, вы куда? — всполошился Кодекс, увидев, что я поднимаюсь с трона. — Аудиенция окончена, Магистр. Придворным душам — вина и зрелищ. Мне — свежего воздуха.

Я не шел за ней по пятам, я знал этот замок лучше, чем собственное имя. Я перехватил её след на внешней галерее, двигаясь тенью по верхним ярусам.

Элария бежала. Её атласные туфли нещадно стучали по камням, а корсет, казалось, мешал ей дышать сильнее, чем страх перед монархом. Она вырвалась в сад и устремилась к Зеркальному озеру — месту, где магия земли была наиболее чистой.

Я спустился вниз, когда она уже стояла у самой кромки воды.

Она выглядела... странно. Она не любовалась луной и не строила коварных планов. Она стояла, вдыхая ночной озон так жадно, будто её только что вытащили из петли. Сняв перчатки, она прикоснулась к стволу Старого Дуба — древнего стража, который не подпускал к себе никого с дурными помыслами. Дуб не шелохнулся. Он принял её.

— Наконец-то, — донесся до меня её тихий, усталый голос. — Тишина. Никаких «Ваших Высочеств», никаких магических сканеров.

Я замер в тени огромного корня, наблюдая, как она расправляет плечи. В её одиночестве было столько достоин-

ства и странной, неуместной здесь печали, что моё пламя на мгновение затихло. Она назвала мой замок «офисом» и рассуждала о каком-то «арендодателе».

Эта женщина не была просто претенденткой. Она была чужеродным элементом, ворвавшимся в мой застоявшийся мир со своим уставом. И сейчас, в лунном свете, она казалась мне опаснее любого заговора лордов.

Глава 2. Ночная исповедь у Старого Дуба

Элария.

Лунный свет заливал берег, превращая озеро в кусок идеально отполированного серебра. Тишина была такой густой, что я слышала собственное сбивчивое дыхание и скрип этого проклятого китового уса в корсете. «Ничего, Эля, — уговаривала я себя, — это просто затянувшаяся командировка в филиал ада. Сейчас отдышимся и пойдем искать отдел логистики».

Внезапно густая, почти осязаемая тень под кроной Старого Дуба шевельнулась. Я замерла, прижав ладонь к груди. Тень медленно отделилась от ствола, обретая контуры высокого мужчины. Он не вышел на свет, оставаясь в полумраке, но я отчетливо видела его силуэт: широкие плечи, властная посадка головы и... глаза.

В темноте они не просто отражали луну — они мерцали изнутри густым, расплавленным золотом, как два включенных индикатора на мощном сервере.

— Выход из рабочего пространства после захода солнца не предусмотрен регламентом Отбора, леди Элария, — раздался низкий, вибрирующий голос. От этого звука по позвоночнику пробежала волна холода, которую не списал бы ни

один обогреватель.

Я заставила себя не пятиться. Профдеформация — великая вещь: когда на тебя смотрит начальство (пусть даже такое пугающее), главное — не показывать, что у тебя не сошлись отчеты.

— Ваше Величество? — я прищурилась, пытаюсь рассмотреть его лицо за золотыми огнями глаз. — А у вас, я смотрю, тоже проблемы с соблюдением режима труда и отдыха?

Я сделала небольшой шаг вперед, чувствуя, как трава шуршит под подошмой.

— По документам... то есть по правилам вашего этикета, вы сейчас должны дегустировать вино в компании фавориток, а не подрабатывать садовым пугалом под дубом. Нарушаете график, Ваше Темнейшество. А это, между прочим, ведет к профессиональному выгоранию и снижению эффективности управления империей.

Тень вздрогнула. Я почти физически почувствовала его замешательство. Золотые огни в его глазах вспыхнули ярче, а затем чуть сузились.

— Выгоранию? Эффективности? — он произнес эти слова так, будто пробовал на вкус экзотический фрукт, который может оказаться ядовитым. — Вы странная женщина, Элария. Зеркала не смогли найти вашу суть, а вы стоите здесь и читаете мне нотации о... «графике». Вы понимаете, что я могу испепелить вас за одну только интонацию?

— Можете, — я пожала плечами, игнорируя предательскую дрожь в коленях. — Но тогда вам придется самому разгребать тот хаос, который творится у вас в канцелярии. А судя по тому, как дергается глаз у вашего Магистра Кодекса, там работы — на три пятилетки вперед.

Мужчина сделал шаг из тени. Лунный свет упал на его лицо — резкое, хищное, невероятно красивое и смертельно усталое. Он смотрел на меня так, будто я была неопознанным объектом, который внезапно заговорил на языке цифр.

— Кажется, — медленно проговорил он, — мой замок посетила не просто невеста, а самое настоящее стихийное бедствие в кружевах.

Воздух между нами задрожал. От него пахло грозой и старым камином — так, должно быть, пахнет чистая, концентрированная ярость дракона. Любая нормальная девушка на моем месте уже бы лежала в изящном обмороке, но я лишь сильнее уперла руки в бока, чувствуя, как косточки корсета впиваются в кожу.

— Послушайте, чешуйчатый... или кто вы там по табелю о рангах, — я посмотрела прямо в эти два золотых прожектора, игнорируя инстинкт самосохранения, который в моей голове орал благим матом. — Этот ваш «священный отбор» — прямое нарушение свободы труда и базовых прав личности!

Вальдариан качнулся вперед, сокращая дистанцию. Его лицо застыло в маске абсолютного недоумения. — Свобо-

ды... чего? — его голос вибрировал так низко, что у меня заложило уши. — О каком «труде» ты шепчешь, дева? Это служение. Высокая миссия. Предназначение каждой души в этих стенах — быть опорой трона.

— Миссия? — я нервно рассмеялась. — Называйте это как хотите, хоть «сакральным подрядом», но у меня глаз наметан. Статья 115 моего... Кхм... Моего внутреннего Устава! Люди у вас пашут на износ. Слуги валяются с ног, стража спит на ходу, а вы тут в гляделки играете и заставляете девиц в обмороки падать перед зеркалами. Это не правление, это производственный ад!

Дракон замер. Он смотрел на меня так, будто я только что выдала заклинание на древнем, давно вымершем языке. — Статья? Устав? — он медленно обвел рукой замок. — Ты говоришь так, словно воля суверена — это не закон, а... свиток с цифрами.

— Именно! — я сделала шаг навстречу, почти касаясь пальцами его расшитого камзола. — Если я Кадровик... то есть, если я Зорчая душ и плоти, как вы выражаетесь, я наведу здесь порядок. У вас КПД — коэффициент полезного действия — ниже, чем у промокшей спички. Вы тратите ресурсы империи на кружева и реверансы, пока в ваших кузнях орки работают без перерывов на обед.

Вальдариан молчал долго. Золото в его глазах то вспыхивало, то затухало. Он явно пытался переварить услышанное, но в его «древней базе данных» просто не было таких папок,

как «нормированный график» или «социальные гарантии».

— Ты... странная, — наконец выдохнул он, и в его голосе проскользнула нотка искреннего, почти детского любопытства. — Ты не просишь моей любви. Ты не просишь сокровищ. Ты требуешь... порядка в свитках служения?

— Мне не нужны ваши сокровища, — отрезала я. — Мне нужно, чтобы штатное расписание соответствовало реальности. И если вы не хотите, чтобы ваше королевство самоликвидировалось от управленческого хаоса, вам лучше выслушать мои условия.

Он вдруг коротко, отрывисто хохотнул. — Зорчая душ, которая судит короля по его... «коэффициентам». Что ж, Элария. Кажется, я готов посмотреть, как твои «статьи» выдержат столкновение с моим пламенем.

Воздух вокруг нас, казалось, застыл, превратившись в густой кисель. Я видела, как на скулах Вальдариана проступила едва заметная чешуя — золотистая, острая, как бритва. Его пальцы, сжимающие кору Старого Дуба, побелели, и древнее дерево протестующе скрипнуло. Я уже прикинула, в какой графе укажу причину своей смерти («Производственная травма при попытке проведения внепланового аудита»), как вдруг тишину разорвал звук.

Сначала это был низкий рокот, похожий на отдаленный камнепад в горах. Затем он перерос в полноценный, громовой хохот, от которого по зеркальной глади озера пошла рябь. Вальдариан запрокинул голову, и этот звук — искрен-

ний, дикий и совершенно не вяжущийся с образом ледяного монарха — заставил меня на мгновение забыть о корсете.

— Ха-ха-ха! «Коэффициент полезного действия»? «Штатное расписание»? — Он вытирал выступившие слезы тыльной стороной ладони, на которой тускло мерцали когти. — Клянусь первичным пламенем, Элария, ты либо самая отважная безумица, которую я встречал за три сотни лет, либо... либо ты действительно веришь, что империю можно измерить линейкой и свитком!

— Вера тут ни при чем, — буркнула я, поправляя сбившиеся кружева. — Это статистика. Математика — дама суровая, пострашнее ваших зеркал.

Он резко замолчал и сделал шаг ко мне. Золото в его глазах больше не обжигало яростью, оно светилось живым, хищным интересом.

— Значит, ты — Зорчая, которая не жаждет моей крови или моего ложа? — Он склонился так низко, что я почувствовала жар, исходящий от его кожи. — Тебе нужны мои «придворные души»? Ты хочешь упорядочить хаос, который ковался веками?

— Я хочу, чтобы эта контора начала работать нормально, — отрезала я, глядя ему прямо в переносицу. — Чтобы люди... простите, «души»... не выгорали на службе, как свечи на сквозняке. И чтобы вы, Ваше Величество, перестали быть заложником собственного беспорядка.

Вальдариан долго всматривался в мое лицо, словно искал

в нем скрытую печать или подвох. Но в моем взгляде не было ничего, кроме решимости кадровика, вышедшего на тропу войны с некомпетентностью.

Ночной холод наконец-то пробрался под шелк платья, но я стояла неподвижно. Между нами зависло то самое тяжелое молчание, которое обычно предвещает либо подписание мирового соглашения, либо начало полномасштабной забастовки. Вальдариан смотрел на меня сверху вниз, и его зрачки в золотом сиянии вытянулись в узкие вертикальные щели.

— Ты даже не представляешь, дева из Южных пределов, во что ты пытаешься запустить свои руки, — его голос стал тихим, как шелест чешуи о камни. — Этот замок стоит на костях тех, кто пытался диктовать свои условия королям. Здесь каждый вдох подчинен воле пламени, а не... твоим «коэффициентам».

Он сделал еще один шаг, сокращая дистанцию до опасного предела. Я почувствовала запах озона и дыма — суровый, мужской, пугающе притягательный.

— Но раз уж ты так жаждешь «порядка», — на его губах промелькнула хищная полуулыбка, — я не стану тебе мешать. Наслаждайся последними часами покоя, Элария. Я обещаю: утро будет... *интересным*. Ты увидишь, как работает мой мир, и, боюсь, твои «статьи» рассыплются в прах при первом же столкновении с реальностью.

Я поправила воротник, стараясь, чтобы мой взгляд был таким же твердым, как отчет за четвертый квартал.

— Посмотрим, Ваше Величество. Утро действительно будет насыщенным. Я обещаю вам, что к обеду у вас на столе будет лежать проект первого штатного расписания и список должностных нарушений ваших фавориток. И поверьте, «реальность» — это моя основная специализация.

Вальдариан на мгновение замер, будто раздумывая: испепелить меня на месте или всё же посмотреть на это шоу. Затем он склонил голову в издевательском, но уважительном поклоне.

— Договорились, Зорчая душ. Но учти: в моем мире «сверхурочные» оплачиваются не золотом, а правом сохранить голову на плечах.

Он не ушел — он просто растворился в тени Старого Дуба, словно его и не было. Озеро снова стало спокойным, а я осталась стоять на берегу, чувствуя, как в крови бурлит адреналин.

— Ну что ж, Эля, — прошептала я, глядя на темную громаду замка. — Кофе здесь, скорее всего, нет, нормальных бланков — тоже. Но у нас есть Кодекс, корсет и дракон, который еще не понял, что его империю только что взяли на аудит. Повоюем.

Где-то в вышине раздался хлопок огромных крыльев, и я поняла: мой «рабочий день» завтра начнется очень рано.

Вальдариан.

Она вышла к озеру, спотыкаясь о гравий, словно её но-

ги не привыкли к атласной обуви, а тело — к шелкам. Леди Элария. Та самая «Зорчая», что смотрела на моих вельмож как на кучу неверно сложенных дров.

Я наблюдал за ней. Она не молилась, не звала магию. Она просто... дышала. Жадно, как человек, которого долго держали в душном мешке. Когда она коснулась древесины дуба, я решил, что пора прервать её уединение.

— Выход из рабочего пространства после захода солнца не предусмотрен регламентом Отбора, леди Элария, — произнес я, позволяя тени медленно отделиться от ствола.

Я специально оставался в полумраке, зная, что мои глаза сейчас горят ярче любого факела. Золотой свет драконьей крови всегда выдает нас, когда мы на взводе. Большинство женщин при виде этого свечения падали ниц или начинали лепетать молитвы.

Но эта... эта дева лишь прищурилась.

Она не отпрянула. Напротив, она сделала шаг вперед, пытаясь рассмотреть моё лицо, словно я был не королем-драконом, а запыленной папкой в её архиве.

— Ваше Величество? — её голос был сухим и поразительно спокойным. — А у вас, я смотрю, тоже проблемы с соблюдением режима труда и отдыха? По документам вы сейчас должны дегустировать вино в компании фавориток, а не подрабатывать садовым пугалом.

Я замер. Пугалом? Меня, чья тень накрывает города, называли «пугалом» за нарушение какого-то «режима»?

— Вы дерзки, Элария, — я шагнул на свет, и золото в моих глазах вспыхнуло сильнее. — Вы говорите о «графиках» и «выгорании», стоя перед тем, кто может стереть ваше имя из свитков бытия одним выдохом.

Она лишь поправила свой колючий воротник и посмотрела на меня с такой невозмутимостью, будто я только что сообщил ей о небольшом недочете в счетной книге. В этот момент я понял: этот Отбор будет стоить мне либо остатков терпения, либо я наконец-то нашел того, кто не боится смотреть в пламя.

— Послушайте, чешуйчатый... или кто вы там по табелю о рангах, — её голос звенел, как сталь о сталь. — Этот ваш «священный отбор» — прямое нарушение свободы труда и базовых прав личности!

Я замер, чувствуя, как искры пламени щекочут гортань. — Свободы... чего? — мой голос прозвучал как рокот уходящего обвала. Я никогда не слышал этого слова. В моем мире была воля суверена, была верность вассалов и была тяжесть цепей. Свобода... труда?

— Статья сто пятнадцать! — отчеканила она, пронзая меня взглядом. — Люди у вас падают на износ! Пока вы тут в «великих правителей» играете, ваши придворные души — слуги, стража, писцы — превращаются в золу. Без отдыха, без графика, на одном голом энтузиазме и страхе. Если я Кадровик... то есть Зорчая душ и плоти, я наведу здесь порядок.

Я невольно сделал шаг назад. Не от страха — от абсолютного, кристального недоумения. Она не просила пощады, она не пыталась соблазнить меня изгибом шеи. Она... предъявляла мне претензии по управлению крепостными душами.

— Ты называешь «порядком» ограничение моей власти над теми, кто мне принадлежит? — я прищурился, и золото в моих глазах вспыхнуло жарче. — Ты говоришь о каких-то «статьях», словно они весомее, чем клыки дракона.

— Клыки хороши для охоты, Ваше Величество, — парировала она, даже не моргнув. — Но для эффективного управления государством вам нужны не клыки, а вменяемое штатное расписание. Люди работают эффективно только тогда, когда знают: их труд оценен, а время — нормировано. А у вас тут... хаос. Юридический и человеческий.

Я почувствовал, как внутри шевельнулось нечто странное. Не ярость. Любопытство. Она смотрела на мой замок не как на оплот могущества, а как на... неисправный механизм. И, видит Бездна, в её словах было столько уверенности, что на мгновение я сам усомнился: а не дурак ли я, что до сих пор не завел себе эту её «статью сто пятнадцать»?

Я смотрел на эту хрупкую женщину, которая едва доставала мне до плеча, и чувствовал, как внутри закипает нечто посильнее огня. Она стояла в свете луны, воинственно выставив локти, и отчитывала меня — Истинного Дракона, Повелителя Терний — за «неэффективное использование ре-

сурсов».

Сначала в груди родилось странное клокотание. Оно поднималось выше, обжигая горло, пока не вырвалось наружу не пламенем, а громовым, раскатистым звуком. Я запрокинул голову, и мой смех полетел над зеркальной гладью озера, распугивая ночных птиц и заставляя Старый Дуб содрогаться до самых корней.

Я хохотал так, как не смеялся уже три сотни лет — с тех самых пор, когда мир еще не казался мне бесконечным списком скучных обязанностей.

— Ха-ха-ха! Клянусь первичной чешуей! — я вытирал выступившие слезы, не замечая, как когти непроизвольно царапнули ладонь. — «Статистика»? «Математика — дама суровая»? Эллария, ты понимаешь, что любая другая на твоём месте сейчас бы молила о пощаде за такое святотатство?

Я резко замолчал и шагнул к ней, нависая всей своей мощью. Золото в моих глазах больше не было холодным — оно искрилось живым, хищным весельем.

— Значит, ты пришла сюда не за моей короной и не за моей постелью. Ты пришла... чтобы стать Зорчей моих ошибок? Ты хочешь упорядочить жизни моих придворных душ так же, как раскладываешь свои невидимые свитки?

Она даже не шелохнулась. Напротив, она оправила смятый корсетом шелк с таким видом, будто мой смех был лишь досадным шумом, мешающим производственному процессу.

— Смех — это хорошая эмоциональная разрядка, Ваше Величество, — сухо заметила она. — Но он не отменяет того факта, что ваша канцелярия работает на уровне средневекового базара. Если вы закончили развлекаться, может, обсудим условия моего испытательного срока?

Я снова едва не расхохотался. В её голосе была такая непоколебимая, профессиональная наглость, что я вдруг понял: мне чертовски интересно посмотреть, как эта маленькая женщина попытается надеть узду закона на мой неуправляемый Двор.

— Испытательный срок? — я оскалился в улыбке, которая заставила бы любого воина поседеть. — Что ж, дева. Ты его получила. Но помни: если твои «статьи» не выдержат жара моего мира, я лично выпишу тебе приказ об... окончательном увольнении из жизни. Подойдет такая «мотивация»?

Воздух вокруг нас вибрировал от невысказанного вызова. Я смотрел на эту женщину и видел не нежную деву, жаждущую покровительства, а странного воина, чьим оружием были непонятные термины и непоколебимая вера в некий высший «Порядок». Она не просила милости — она предлагала сделку.

Я медленно склонился к ней, так близко, что почувствовал аромат лаванды, исходящий от её кожи, и холодную решимость, бьющуюся в её жилах. Мои зрачки сузились, превратившись в тонкие нити на фоне пылающего золота.

— Что ж, Зорчая душ и плоти, — мой голос стал тихим

шелестом, от которого у любого другого по телу поползли бы ледяные мурашки. — Ты жаждешь работы? Ты её получишь. Завтра на рассвете я представлю тебя своим придворным душам не как невесту, а как карающий меч твоего «Устава».

Я выпрямился, и моя тень снова накрыла её, поглощая свет луны.

— Спи крепко, Элария. Наслаждайся последними часами тишины. Я обещаю: утро будет... *интересным*. Ты увидишь, что мои подданные — это не строчки в свитке, а хищники, которые не терпят чужаков с их правилами. Посмотрим, как запоют твои «статьи», когда столкнутся с их клыками.

Я ожидал увидеть тень сомнения на её лице, но она лишь поправила свои кружева с таким видом, будто я только что сообщил ей о переносе времени совещания.

— Прекрасно, Ваше Величество, — отчеканила она, не отводя взгляда. — Значит, договорились. А я обещаю вам, что к завтрашнему полудню у вас на столе будет лежать полное штатное расписание этого замка. И поверьте, я найду способ заставить ваших «хищников» соблюдать дисциплину, даже если мне придётся лично пересчитать каждое звено в их цепях.

Я не удержался от короткой, хищной улыбки. — Посмотрим, — бросил я, отступая в глубину теней Старого Дуба.

Я чувствовал её взгляд на своей спине до самого конца. Она была безумна, нагла и совершенно невыносима. И, видит Бездна, я впервые за столетия с нетерпением ждал на-

ступления утра.

Разве может маленькая женщина со свитком победить вековой хаос Драконьего замка? Это будет либо величайший триумф, либо самое зрелищное падение в истории Империи Терний. В любом случае — скучно не будет.

Глава 3. Вакансия: Глава департамента Драко-душ

Элария.

Утро в замке Терний началось без бодрящего запаха арабики, зато с избытком того, что я обычно называла «кризисным управлением». Огромный Тронный зал до самого потолка пропах дымом магических кадил и застарелым страхом — так пахнет коллектив, который ждёт массовых сокращений, но ещё не знает, кого именно выведут за штат. Вальдариан сидел на своем костяном троне в позе типичного генерального директора в разгар кассового разрыва: спина прямая, взгляд ледяной, а лицо выражает стойкое убеждение в том, что весь этот мир ему бесконечно задолжал и давно просрочил все графики платежей.

Я стояла в первом ряду, чувствуя, как китовый ус в корсете впирается в ребра при каждом вздохе, и не сводила глаз с «работодателя». Дракон медленно, с хищной грацией поднялся, и по залу пролетел гул, мгновенно сменившийся звенящей тишиной.

— Эта леди не будет моей женой, — объявил он, и его голос ударил по нервам собравшихся, как внезапный аудит.

Зал синхронно выдохнул. Девицы вокруг меня расцвели, а Сцилла даже соизволила победно и приторно мне улыб-

нуться. Однако я не спешила расслабляться, заметив опасный блеск в золотых глазах Вальдариана. Пауза затянулась ровно на секунду, необходимую для максимального драматического эффекта.

— Она станет моим Главным Зорчим душ и плоти, — прогремел он, и этот звук заставил люстры вздрогнуть. — Отныне её слово в этих стенах — моё слово. Её законы — мои законы.

Зал подавился воздухом. Улыбка Сциллы сползла, превратившись в маску плохо скрываемого ужаса, а Магистр Кодекс за спиной короля выронил перо, которое с сухим стуком покатилося по мрамору. Я же лишь поправила воротник своего платья, ощущая, как внутри просыпается азарт старого кадровика. Назначение на должность без испытательного срока — это, конечно, нарушение всех регламентов, но, глядя на вытянувшиеся лица будущих «подчиненных», я поняла: штатное расписание мы начнем составлять прямо сейчас, и первой графой в нем будет «Оптимизация высокомерных бездельников». Я поймала короткий, колющий взгляд Дракона, который словно подначивал меня немедленно приступить к своим обязанностям, и едва заметно кивнула — вызов был принят, и я уже прикидывала, сколько чернил уйдет на описание всех должностных преступлений этого Двора.

Не успело эхо слов Вальдариана затихнуть под сводами, как я уже разворачивала свой свиток, чувствуя, что время бесплатных консультаций закончилось — наступила эра су-

ровой отчетности. Пока придворные пытались переварить мой новый статус, я сделала два шага вперед, выходя на середину зала с таким видом, будто за моей спиной стояла вся налоговая инспекция моего мира в полном составе.

— Поскольку приказ о назначении вступил в силу немедленно, объявляю начало полной инвентаризации магического персонала, — мой голос прозвучал сухо и четко, перекрывая шепотки. — Магистр Кодекс, ко мне. Живо. С книгами учета и списками текущего состава.

Магистр Кодекс, напоминавший в своем пыльном облачении старый сморщенный гриб, замер, а затем медленно, с достоинством оскорбленного достоинства, двинулся в мою сторону. Его перья в волосах дрожали от негодования, а глаза за толстыми линзами магических стекол метали молнии.

— Юная леди... — начал он дребезжащим голосом, — вы, должно быть, не понимаете. Учет душ в этом замке ведется тысячу лет по священным канонам Предков. Мы не можем просто так «инвентаризировать» магическую элиту, как мешки с овсом на складе! Это нарушение вековых традиций и оскорбление самой ткани мироздания!

— Магистр, — я прервала его на полуслове, даже не взглянув на его возмущенно раздувающиеся ноздри. — Ткань вашего мироздания сильно изношена и требует латок, судя по тому, что половина ваших «священных списков» не обновлялась с момента основания замка. Ваша традиция — это просто оправдание для халатности. Я даю вам ровно пятна-

дцать минут, чтобы предоставить мне полный перечень всех «придворных душ» с указанием их обязанностей. В противном случае, я признаю ваш отдел нерентабельным и предложу Его Величеству провести радикальную порку.

Кодекс побагровел так, что я всерьез обеспокоилась его давлением. Он обернулся к Вальдариану, ища защиты, но Дракон лишь подпер подбородок кулаком, с нескрываемым интересом наблюдая за нашей схваткой.

— Ваше Величество! — взмолился Магистр. — Она требует секретные архивы! Она хочет пересчитать тех, кто неподвластен счету!

— Выполняй, Кодекс, — лениво бросил Вальдариан, и в его голосе проскользнула опасная усмешка. — Главный Зорчий хочет видеть цифры. А я хочу видеть, как ты будешь объяснять ей, почему у нас тридцать хранителей кубков и ни одного толкового учетчика ресурсов.

Я снова перевела взгляд на Магистра, который теперь смотрел на меня как на личное проклятие рода Драконов. Это был первый открытый конфликт интересов, и я не собиралась уступать ни пяди своего бюрократического поля боя. Если этот старый бюрократ думал, что сможет спрятать свою некомпетентность за «священными канонами», то он явно недооценил женщину, которая закрывала годовые отчеты в условиях полного коллапса программного обеспечения. Инвентаризация началась, и первыми в моем списке «на выбывание» уже значились те самые хранители кубков, чья един-

ственная обязанность заключалась в том, чтобы выглядеть важными и вовремя наполнять бокалы.

Магистр Кодекс, прижимая к груди охапку пыльных фолиантов, попятился к теням, а по залу пронесся коллективный вздох ужаса. Я почувствовала, как температура в помещении резко подскочила на добрый десяток градусов. Вальдариан медленно поднялся с трона, и воздух вокруг него начал искажаться от жара, словно над раскаленным асфальтом. Его зрачки сузились до бритвенных лезвий, а из ноздрей вырвалась тонкая струйка сизого дыма.

— Ты заходишь слишком далеко, Зорчая, — прорычал он, и этот звук больше не был человеческим; это был рокот пробуждающегося вулкана, от которого задрожали витражи. — Ты требуешь отчета у моих советников так, будто они — провинившиеся рабы. Мое терпение имеет границы, и они короче, чем твой свиток.

Он сделал шаг ко мне, нависая грозовой тучей. От его кожи исходил такой жар, что подол моего платья едва не начал дымиться, а придворные в панике ломанулись к выходам, ожидая, что сейчас от «Главного Зорчего» останется только горстка пепла. Но я лишь глубоко вдохнула этот перегретый озон и, не отводя взгляда от его полыхающих золотом глаз, полезла в свою папку.

— Ваше Величество, ваше агрессивное поведение в отношении сотрудника, находящегося при исполнении, классифицируется как создание не здоровой рабочей атмосферы

и психологическое давление, — мой голос был ровным, как кардиограмма покойника.

Я вытащила из папки чистый, идеально разлинованный лист и протянула его прямо к его чешуйчатой, охваченной искрами руке.

— Вот, держите. Бланк объяснительной записки. Форма 2-Д («Драконья»). В графе «Причина» так и напишите: «Вышел из себя по причине отсутствия навыков делегирования полномочий и неконтролируемых вспышек гнева». Подпись и дата — внизу справа.

Вальдариан замер. Огонь, уже готовый сорваться с его губ, застрял где-то в гортани. Он смотрел на белый прямоугольник бумаги в моей руке с таким искренним недоумением, будто я предложила ему съесть ядовитую кобру. Пламя в его глазах мигнуло и начало медленно затухать, сменяясь тем самым ошеломленным любопытством, которое я видела ночью у озера.

— Ты... ты предлагаешь мне писать на себя донос из-за того, что я на тебя рыкнул? — переспросил он, и в его голосе чешуя столкнулась со сталью.

— Я предлагаю вам задокументировать инцидент, чтобы в будущем мы могли проанализировать триггеры вашего гнева и повысить эффективность коммуникации, — я продолжала держать бланк, не шелохнувшись. — И уберите, пожалуйста, искры. Вы портите казенное имущество и мой единственный приличный наряд. А у нас еще не утвержден бюд-

жет на представительские расходы.

Дракон еще несколько секунд буравил меня взглядом, в котором ярость боролась с осознанием того, что его привычные методы устрашения здесь бессильны. Затем он вдруг шумно выдохнул, обдав меня запахом костра, и выхватил лист из моих пальцев. Жар спал, и в зале снова стало можно дышать. Я поправила манжету, понимая: этот раунд остался за бюрократией. Оказывается, против юридически подкованного кадровика не тянет даже высшая магия огня.

Вальдариан.

Утро в Тронном зале было пропитано привычным коктейлем из благовоний и липкого ужаса моих подданных. Я сидел на костяном троне, ощущая каждое остриё в его спинке, с таким видом, будто весь этот мир был моим безнадёжным должником, который годами не платит по счетам. Эта толпа невест, этот рой льстивых советников — всё это казалось мне бесконечной и бессмысленной повинностью.

Я нашёл глазами Элларию. Она стояла среди разодетых невест как инородное тело, как острое лезвие, затерявшееся в шелках. Пришло время встряхнуть это застоявшееся болото так, чтобы брызги долетели до самых границ Империи. Я медленно поднялся, и по залу прошла дрожь — моя магия всегда отзывалась на гнев, превращая воздух в густой свинец.

— Эта леди не будет моей женой, — объявил я, позволив своему голосу ударить под своды зала холодным металлом.

Зал синхронно выдохнул. Я видел, как расслабились плечи невест, как Сцилла едва не замурлыкала от предвкушения победы. Они решили, что угроза миновала, что эта «пустышка» отправляется в изгнание. Я сделал паузу, наслаждаясь моментом абсолютной тишины перед катастрофой.

— Она станет моим Главным Кадровиком, — прогремел мой голос, и это слово — странное, чужеродное, вырванное из её ночных речей — прозвучало как смертный приговор старому укладу. — Отныне её слово в этих стенах — моё слово. Её законы — мои законы.

Зал подавился воздухом. Лица лордов вытянулись, Магистр Кодекс едва не лишился чувств, а я наблюдал за Элларией. В моих мыслях билась дикая, почти мальчишеская радость: я только что вручил этой женщине ключи от всех шкафов со скелетами моего замка. Она не выглядела польщённой или напуганной; она поправила кружево на рукаве с таким видом, будто я всего лишь подтвердил её полномочия на проведение глобальной чистки. Я бросил на неё короткий взгляд, гадая, кто из нас двоих первым пожалеет об этом решении, но азарт внутри сжигал все сомнения. Игра началась, и правила теперь писала она.

Я снова опустился на трон, скрестив руки на груди, и приготовился к зрелищу, которого мой замок не видел с момента постройки. Эллария не теряла ни секунды. Пока мои придворные пытались осознать, что их судьбы теперь в руках женщины, которая не умеет плести интриги, но мастерски

владеет свитками, она сделала два шага вперед, выходя на середину зала.

— Поскольку приказ о назначении вступил в силу немедленно, объявляю начало полной инвентаризации магического персонала, — её голос прорезал тишину зала, как отточенный скальпель. — Магистр Кодекс, ко мне. Живо. С книгами учета и списками текущего состава.

Я едва сдержал улыбку, глядя на Магистра Кодекса. Старик, чей род служил драконам пять веков, застыл, а затем медленно, словно каждое движение стоило ему титанических усилий, потащился к ней. Его мантия, расшитая древними рунами, казалась сейчас тяжелее доспехов.

— Юная леди... — проскрипел он, пытаясь сохранить остатки своего раздутого авторитета, — вы, должно быть, не понимаете. Учет душ в этом замке ведется тысячу лет по священным канонам Предков. Мы не можем просто так «инвентаризировать» магическую элиту, как мешки с овсом на складе! Это нарушение вековых традиций и оскорбление самой ткани мироздания!

Я видел, как Кодекс ищет моей поддержки, бросая на меня затравленные взгляды. Но Элария даже не дала ему закончить.

— Магистр, — прервала она его, и в её интонации было столько ледяного прагматизма, что мне самому стало не по себе. — Ткань вашего мироздания сильно изношена и требует латок, судя по тому, что половина ваших «священных

списков» не обновлялась с момента основания замка. Ваша традиция — это просто оправдание для халатности. Я даю вам ровно пятнадцать минут, чтобы предоставить мне полный перечень всех «придворных душ» с указанием их функциональных обязанностей. В противном случае, я признаю ваш отдел нерентабельным и предложу Его Величеству провести радикальную санацию.

Кодекс побагровел, становясь цветом перспелой вишни. Он обернулся ко мне, и в его глазах читался немой крик о помощи: «Ваше Величество! Она требует секретные архивы! Она хочет пересчитать тех, кто неподвластен счету!»

— Выполняй, Кодекс, — лениво бросил я, чувствуя странный прилив бодрости. — Главный Зорчий хочет видеть цифры. А я хочу видеть, как ты будешь объяснять ей, почему у нас тридцать хранителей кубков и ни одного толкового учетчика ресурсов.

Я наблюдал, как Кодекс, трясаясь от возмущения, попятился за книгами. Элария уже что-то помечала в своем свитке, полностью игнорируя шепот и проклятия, летящие ей в спину. Она не просто бросила вызов Магистру — она начала демонтаж самой системы, на которой держался этот Двор. И, видит Бездна, я был готов досмотреть этот переворот до самого конца, чего бы это мне ни стоило.

Наблюдать за тем, как мой Двор превращается в хаос под натиском её свитков, было забавно лишь первые несколько минут. Но когда Кодекс, мой верный и занудный архивариус,

попятился с выражением лица побитой собаки, я почувствовал, как древняя ярость дракона шевельнулась в груди. Она заходила слишком далеко. Мои подданные — это не строчки в её свитках, это сила, на которой держится мой трон.

Я медленно поднялся с костяного трона. Воздух вокруг меня мгновенно стал тяжелым и сухим, затрещав от статического электричества. Я чувствовал, как изнутри поднимается жар, а зрачки сужаются, превращаясь в две тонкие черные черты в море расплавленного золота.

— Ты заходишь слишком далеко, зорчия, — прорычал я, и этот звук заставил стены замка дрогнуть. Из моих ноздрей вырвался едкий сизый дым. — Ты требуешь отчета у моих советников так, будто они — провинившиеся рабы. Мое терпение имеет границы, и они короче, чем твой свиток.

Я сделал шаг к ней, нависая всей своей мощью, обдавая её жаром истинного пламени. Любой воин на её месте уже бы рухнул на колени, закрывая лицо руками от испепеляющей ауры. Но Элария лишь глубоко вздохнула, словно ей просто стало слишком душно в офисе, и, не отводя взгляда от моих глаз, потянулась к своей папке.

— Ваше Величество, ваше агрессивное поведение в отношении сотрудника, находящегося при исполнении, классифицируется как создание не здоровой рабочей атмосферы и психологическое давление, — её голос был возмутительно, нечеловечески ровным.

Она вытянула из папки идеально белый лист бумаги и

протянула его прямо к моей руке, по которой уже начали пробегать искры.

— Вот, держите. Бланк объяснительной записки. Форма 2-Д («Драконья»). В графе «Причина» так и напишите: «Вышел из себя по причине отсутствия навыков делегирования полномочий и неконтролируемых вспышек гнева». Подпись и дата — внизу справа.

Я замер. Пламя, готовое сорваться с моих губ и превратить её в горстку пепла, застряло в горле. Я смотрел на этот прямоугольник бумаги в её тонких пальцах с таким недоумением, словно она предложила мне помериться силой с пушинкой. Моя магия захлебнулась.

— Ты... ты предлагаешь мне писать на себя донос из-за того, что я на тебя рыкнул? — я переспросил, и в моем голосе ярость смешалась с искренним шоком.

— Я предлагаю вам задокументировать инцидент, чтобы в будущем мы могли проанализировать триггеры вашего гнева и повысить эффективность коммуникации, — она продолжала держать бланк, не моргнув и глазом. — И уберите, пожалуйста, искры. Вы портите казенное имущество и мой единственный приличный наряд. А у нас еще не утвержден бюджет на представительские расходы.

Я шумно выдохнул, обдав её жаром, но искры погасли. Я выхватил этот клочок бумаги из её пальцев, чувствуя, как моя гордость только что столкнулась с чем-то более незыблемым, чем вековые скалы — с бюрократическим хладнокро-

вием. Я посмотрел на чистые строчки, которые должен был заполнить «король-дракон», и понял: в этом замке больше не будет ничего прежнего. Она не боялась моего огня. Она боялась только того, что инцидент останется «не запечатленным в свитке».

Глава 4. Труд, дисциплина и драконий гнев

Элария.

Я едва успела закончить с реестром складских помещений, как до меня донесся характерный треск магических разрядов и запах, который ни с чем не спутаешь — запах паленой шерсти и запредельного ужаса. Выбежав во внутренний двор, я увидела картину в духе «типичный понедельник у тирана»: огромный стражник в помятых доспехах буквально вжался в каменную кладку, а над ним возвышался Вальдариан. Тяжелая чешуйчатая лапа короля придавила бедолагу к стене, и воздух вокруг дракона вибрировал так, что мелкие камни подпрыгивали на мостовой.

— Ваше Величество, придержите пламя! — я вклинилась в это пространство между молотом и наковальней, встав прямо перед горячей грудью короля.

Жар был такой, что мои ресницы начали предательски подкручиваться без всякой плойки. Вальдариан опустил на меня взгляд, полный расплавленного золота, и из его пасти вырвался короткий, опаляющий рык.

— Статья триста двенадцать моего внутреннего регламента! — я перекричала гул его магии, уперев руки в бока. — Выговор с занесением в личное дело — да. Лишение премии

за порчу казенных доспехов — ради бога. Но оторвать голову без предварительного слушания и объяснительной — это юридический хаос, Ваше Величество! Мы так до конца квартала не доживем.

— Ты защищаешь этот мусор? — прорычал он, и я почувствовала, как когти на его лапе чуть сильнее царапнули камень в паре сантиметров от головы стражника. — Он проспал смену на посту у Южных ворот. В моем мире за такое кормят воронье.

— Я защищаю фонд оплаты труда от необоснованной текучки кадров! — отрезала я, не отступая ни на шаг. — Вы понимаете, сколько стоит обучение нового боевого мага с нуля? Рекрутинг, экипировка, ввод в должность... Это огромные накладные расходы. Трупы не отрабатывают смены и не компенсируют ущерб казне. Отпустите его, пусть пишет объяснительную. Мы назначим ему пятьдесят сверхурочных часов на чистке конюшен — и казна в плюсе, и дисциплина соблюдена.

Вальдариан замер, и я увидела, как в его глазах ярость борется с внезапно проснувшимся интересом к «экономической выгоде». Лапа дрогнула и медленно опустилась. Стражник сполз по стене, хватая ртом воздух, а я уже раскрывала папку, протягивая королю протокол дисциплинарного взыскания. Судя по тому, как дернулась щека Дракона, он начал понимать: в моем мире бюрократия карает эффективнее, чем смертная казнь.

Я смотрела, как стражник, едва не ставший ужином для монаршего пламени, пытается слиться с рельефом стены, и поняла, что момент триумфа бюрократии нужно закреплять немедленно. Вальдариан всё ещё возвышался надо мной, его камзол дымился, а в глазах метались остатки золотых искр, но я уже чувствовала, что логика цифр победила первобытный инстинкт.

— Вот здесь подпишите, — я невозмутимо сунула ему под нос планшет с закрепленным листом. — Раздел «Меры дисциплинарного воздействия». Мы заменим обезглавливание на общественно-полезные работы. Поверьте, чистка рва от магического ила заставит его осознать ценность бдительности гораздо эффективнее, чем быстрая смерть. Смерть — это разовое списание актива, а труд — это амортизация.

Дракон медленно опустил взгляд на бумагу, затем на меня. Жар, исходивший от него, начал спадать, сменяясь тем самым специфическим молчанием, которое обычно предшествует либо признанию гениальности, либо ссылке в рудники.

— Амортизация... — эхом отозвался он, и в его голосе проскользнула опасная, но уже не смертельная усмешка. — Ты превращаешь мою ярость в казначейский учет, Зорчая. Ты понимаешь, что сейчас весь двор смотрит на нас и ждет крови? Если я его не сожгу, они решат, что пламя короля остыло.

— Они решат, что их король стал мудрым стратегом, ко-

торый бережет человеческие ресурсы, — я поправила очки, которых на мне не было, но жест вышел на редкость убедительным. — Кровь плохо отстирывается от мрамора, а вот дисциплина — это фундамент империи. Магистр Кодекс уже готовит приказ. И поверьте, когда ваши лорды увидят объем отчетности, которую я введу за каждый «несанкционированный рык», они будут бояться вас больше, чем когда-либо. Но бояться продуктивно.

Вальдариан на мгновение зажмурился, словно у него внезапно разболелась голова, и резким, размашистым движением когтя оставил на листе рваный след, отдаленно напоминающий подпись.

— Забирай свой «фонд оплаты труда», Элария, — бросил он, разворачиваясь. Его плащ взметнулся, обдав меня запахом грозы и пепла. — Но учти: если к вечеру этот стражник не начнет работать за двоих, я лично аннулирую твою «статью триста двенадцать» вместе с автором.

Я проводила Вальдариана взглядом, отмечая про себя, что его походка стала чуть более стремительной — явный признак того, что уровень кортизола у Его Величества зашкаливает. Но останавливаться на достигнутом я не собиралась. Раз уж я ввязалась в реструктуризацию этого «адского стартапа», нужно было ковать железо, пока оно... ну, буквально не остыло.

Я повернулась к стражнику, который всё еще подпирал стену, выглядя как человек, который только что заглянул в

жерло вулкана и обнаружил там налогового инспектора.

— Так, боевая единица, как тебя зовут по ведомости? — я вытащила из папки самопишущее перо.

— Г-гаррет, госпожа Зорчая... — прохрипел он, сползая на землю. — Я... я правда не спал, я просто прикрыл глаза на мгновение, чтобы помолиться...

— Молитвы в рабочее время — это нецелевое использование административного ресурса, Гаррет, — я сделала пометку в листе. — Но поскольку твою голову удалось сохранить на балансе организации, переходим к штрафным санкциям. Слушай внимательно: за нарушение дисциплины поста ты переводишься на режим «два через ноль» без сохранения магических льгот на ближайшую декаду. И если я увижу хоть одну пылинку на твоём посту, я сама выпишу Вальдариану разрешение на твой «неликвид». Понял?

Бедняга закивал так интенсивно, что я испугалась за его шейные позвонки.

— Свободен. Иди в каптерку и сдай испорченный доспех. Скажешь, что это амортизационный брак, — я махнула рукой, отпуская его.

Оставшись одна во дворе, я почувствовала, как на меня давит тишина. Из окон замка за мной наблюдали десятки пар глаз. Придворные, маги, фаворитки — все они сейчас пытались переварить новую реальность. Реальность, где крик короля можно купировать бумажкой, а казнь заменить на отработку.

Я посмотрела на рваный след от когтя Вальдариана на моем бланке. Его подпись выглядела как предупреждение. Он не просто согласился — он бросил мне вызов. «Забирай свой фонд труда», сказал он. Это означало, что теперь любая ошибка моих подопечных — это моя личная ошибка.

— Ну что ж, господин Дракон, — прошептала я, прижимая папку к груди. — Вы думаете, что я просто играю в слова. Но вы скоро поймете: когда у каждого винтика в вашей машине появится должностная инструкция, вам не придется жечь людей, чтобы заставить их работать.

Я направилась в сторону канцелярии Магистра Кодекса. Предстояла большая работа: мне нужно было составить график дежурств, который не оставлял бы лазеек для «молитв», и, что гораздо важнее, найти способ заварить кофе в мире, где единственное доступное топливо — это ярость древнего ящера. Мой первый рабочий день в качестве Главного Кадровика только входил в активную фазу.

К полудню мой импровизированный кабинет в малом крыле замка напоминал штаб перед решающим наступлением. На столе, вместо изящных ваз, громоздились стопки пергамента, а в воздухе висел густой запах старой кожи и металла. Я вызвала «тяжелую артиллерию» — генерала Брута, огромного мужчину со шрамом через всё лицо, который командовал стражей, и верховного маршала боевых магов, леди Игнис.

— Господа, присаживайтесь, — я указала на стулья, которые под их весом жалобно скрипнули. — Я ознакомилась с вашими текущими графиками. Точнее, с их отсутствием.

— Девочка, ты хоть понимаешь, о чем говоришь? — Брут грохнул кулаком по столу, отчего чернильница подпрыгнула. — Мои рыцари — это стальной щит Империи! Мы не «ходим на смену», мы служим до последнего вздоха. Если враг ударит в полночь, я не скажу ему: «Извините, у нас перерыв на обед»!

— И мои маги не могут работать по часам! — подхватила Игнис, и на кончиках её пальцев заплясали искры. — Плетение заклинаний стражи требует медитации и концентрации. Если я заставлю их дежурить «два через два», их каналы выгорят, и купол замка рухнет нам на головы.

Я спокойно выдержала их двойной напор, даже не моргнув.

— Вот именно об этом я и говорю. Генерал, ваш «стальной щит» трещит по швам, потому что ваши люди спят на постах от хронического недосыпа. А ваши маги, леди Игнис, впадают в магическую кому чаще, чем выходят в патруль. Это не доблесть — это нецелевое использование элитных ресурсов.

Я развернула перед ними огромную таблицу, расчерченную на ровные блоки.

— Вот мой проект. Для рыцарей и наемников — ротационный график. Дежурство — восемь часов, отдых — шест-

надцать. Никаких «до последнего вздоха», если только это не прямая осада. Для боевых магов — плавающий график с обязательными часами регенерации.

— Это бред! — взревел Брут. — У меня не хватит людей, чтобы закрыть все посты при таком раскладе!

— У вас хватит людей, если вы перестанете использовать рыцарей в качестве декоративных подставок для факелов в коридорах, — я припечатала лист ладонью. — В замке тридцать два поста, которые не несут никакой оборонной функции. Я их упраздняю. Эти люди переходят в ваш мобильный резерв.

Игнис прищурилась, изучая мои расчеты.

— Ты хочешь сказать, что если я дам своим ребятам гарантированные часы сна, их КПД... как ты это называешь... вырастет?

— Именно. Отдохнувший маг держит щит в три раза дольше, чем тот, кто вчера пять часов кряду развлекал фавориток короля «фейерверками», — я посмотрела прямо в глаза генералу. — Либо мы принимаем это расписание, либо я иду к Вальдариану с отчетом о том, что ваша «несокрушимая армия» на сорок процентов состоит из зомбированных от усталости симулянтов.

Брут и Игнис переглянулись. В их глазах читалась ярость, смешанная с невольным уважением. Они привыкли сражаться с драконами и монстрами, но против четкой логики и штатной оптимизации у них не было контрзаклинаний.

— Ну и ну... — пробормотал генерал, вытирая пот со лба.
— Похоже, чешуйчатый не шутил, когда назначил тебя Зорчей. Давай сюда свое перо. Но если из-за твоих «смен» мы пропустим хоть одну лазутчицу — отвечать будешь лично.

— Договорились, — я едва заметно улыбнулась. — Ответственность — это моя любимая статья. Сдавайте списки личного состава к вечеру. И напомним наемникам: за пьянство в «часы регенерации» — лишение квартальной премии.

Вечер опустился на замок Терний тяжелым бархатным пологом, но в моем кабинете свечи догорали уже по третьему кругу. На столе лежала финальная папка — плод двенадцати часового боя с генералами, магами и собственным здравым смыслом. Это было оно: первое в истории этой империи согласованное штатное расписание, скрепленное печатями всех ведомств.

Я вошла в личные покои Вальдариана без стука — в моем новом регламенте пункт о «беспрепятственном доступе Зорчего для визирования срочной документации» стоял под номером один. Король-дракон стоял у окна, его мощная спина была напряжена, а в воздухе всё еще витал тонкий аромат озона.

— Все утверждено, Ваше Величество, — я положила папку на массивный стол из черного дерева. — Брут ворчал, но подписал. Игнис пыталась испепелить седьмой параграф, но в итоге признала эффективность системы регенерации. Мы

пришли к перемирию.

Вальдариан медленно обернулся. В полумраке его глаза светились мягким, почти уютным золотом, но я знала, как быстро этот уют превращается в пожар. Он подошел к столу, листая страницы с такой скоростью, что пергамент жалобно стонал.

— Ты действительно заставила их договориться? — его голос вибрировал от скрытого удивления. — Брут ненавидел магов со времен Первой Осады. А теперь они... «согласовали зоны ответственности»?

— Конфликты на рабочем месте возникают из-за размытых должностных инструкций, — я протянула ему перо. — Когда каждый знает, за что он получает свой паек и магический кристалл, на ненависть просто не остается времени. Подпишите здесь, здесь и на обороте.

Он взял перо, но не спешил опускать его на бумагу. Его пальцы, заканчивающиеся острыми когтями, замерли над строкой «Утверждаю».

— Ты понимаешь, Элария, что этой подписью я отдаю порядок в моем доме в руки твоих бумаг? — он посмотрел мне прямо в глаза, и я почувствовала жар его дыхания. — Если завтра замок не проснется как единый механизм, виновата будешь только ты.

— Именно для этого и нужна подпись руководителя, Ваше Величество, — я не отвела взгляда. — Чтобы зафиксировать ответственность и дать старт новой эпохе. Доверьтесь

процессу.

Вальдариан усмехнулся — на этот раз без тени угрозы, почти хищно-одобрительно. Одним резким, властным движением он вывел свою размашистую подпись, которая больше походила на росчерк молнии.

— Сделано. Твой «юридический хаос» стал моим законом.

Я прижала подписанную папку к груди, чувствуя, как внутри разливается тихая радость триумфа. Мы подписали мирный договор между древней магией и современной бюрократией.

— Спасибо, Ваше Величество. Завтра в семь утра — первая общая планерка. Постарайтесь не опаздывать и, пожалуйста... без открытого пламени. Это плохо влияет на сохранность архивов.

Развернувшись на каблуках, я вышла из комнаты, оставив Дракона наедине с его новой, задокументированной реальностью. Мой первый рабочий день закончился полной победой. Теперь осталось самое сложное: заставить этот план работать.

Утро началось не с лучей солнца, а со звона колокола, созывающего весь двор в Тронный зал. Я стояла на возвышении, прямо у подножия костяного трона, сжимая в руках заветную папку. Вчерашняя подпись Вальдариана на ней еще пахла свежими чернилами и озоном.

Перед моими глазами раскинулось море из шелка, бархата и сверкающих доспехов. Сотни людей, магов и существ помельче смотрели на меня с подозрением, страхом и плохо скрываемым презрением. Они еще не знали, что их привычный мир «священного безделья» только что официально прекратил свое существование.

— Тишина в зале! — мой голос, усиленный магическим рупором, который я выпросила у Игнис, разрезал шепот толпы. — По поручению Его Величества я объявляю о вступлении в силу Единого Штатного Расписания и Регламента внутренней дисциплины Империи Терний.

Я видела, как Сцилла картинно зевнула, прикрыв рот ладонью.

— Дорогая, — пропела она, — мы здесь ради Отбора и служения Тьме, а не ради твоих скучных лекций. Оставь эти бумажки для кладовщиков.

— Леди Сцилла, — я одарила её улыбкой, от которой обычно холодеют пятки у нерадивых стажеров, — согласно пункту 4.2 нового Регламента, ваша должность «Почетная фаворитка-кандидат» упразднена ввиду отсутствия функциональной нагрузки. Отныне вы переведены в статус «Младшего атташе по культурным связям» с обязательным ведением журнала посещений и ежемесячной отчетностью по расходу благовоний.

Зал ахнул. Сцилла побледнела, её пальцы судорожно вцепились в веер.

— Вальдариан! — вскрикнула она, оборачиваясь к королю, который неподвижно сидел на троне, наблюдая за шоу.
— Ты это слышишь? Она издевается!

— Она исполняет мой приказ, — лениво отозвался Дракон, и его голос прокатился по залу, заставляя самых дерзких втянуть головы в плечи. — Каждый, кто не ознакомится с документом под роспись до конца часа, будет признан «самовольно оставившим пост». Со всеми вытекающими... огненными последствиями.

Я сделала знак стражникам, и те внесли в зал массивные столы, на которых лежали копии Регламента и листы ознакомления.

— Прошу всех в очередь, господа, — я расправила плечи. — Порядок простой: читаете свои обязанности, ставите дату и подпись. Те, кто не умеет писать — оставляют отпечаток пальца, Магистр Кодекс заверит. Помните, что подпись означает ваше полное согласие с нормами выработки и графиком дежурств.

Это было похоже на массовое паломничество к эшафоту. Гордые лорды, привыкшие целыми днями обсуждать интриги, теперь хмуро вчитывались в пункты о «нормированном рабочем дне» и «недопустимости использования боевой магии в личных целях». Кодекс, стоявший у первого стола, выглядел так, будто его только что заставили проглотить библиотечную моль, но исправно подавал перья.

— Элария, — негромко произнес Вальдариан, когда ми-

мо нас потянулась вереница недовольных подданных. — Ты только что сделала то, что не удавалось ни одному из моих предков. Ты заставила их признать, что у них есть обязанности перед этим домом, а не только привилегии.

— Это только полдела, Ваше Величество, — я не сводила глаз с очереди. — Ознакомить — легко. Заставить их работать по этим правилам — вот где начнется настоящий вызов. Но первый шаг сделан: теперь у нас есть юридическая база.

Я смотрела, как Сцилла, дрожа от ярости, ставит свою размашистую подпись под должностной инструкцией атташе. В этот момент я поняла: я здесь больше не «невеста» и не «пустышка». Я — закон. И судя по тому, как Вальдариан смотрел на меня в этот момент, этот закон начинал ему чертовски нравиться.

Когда последний придворный — престарелый граф с трясущимися руками и выражением лица побитой горгульи — поставил свою закорючку в листе ознакомления, в зале повисла тяжелая, почти осязаемая тишина. Очередь иссякла. Магистр Кодекс с тихим вздохом облегчения захлопнул папку, а придворные начали медленно расходиться, озираясь так, будто за колоннами их уже ждали исправительные работы.

Я выдохнула, чувствуя, как напряжение в плечах наконец начинает спадать, и обернулась к трону. Вальдариан не двигался. Он сидел, откинувшись на костяную спинку, и подпирал голову рукой, но всё его тело было натянуто, как тетива.

Он наблюдал за мной всё это время — за каждым моим жестом, за каждой репликой, брошенной в лицо его вассалам.

Когда наши взгляды встретились, я увидела в его глазах не привычный холодный расчет и не вспышки гнева. Там горело нечто иное — опасное, жадное любопытство, от которого по спине пробежал ток, гораздо более мощный, чем магические искры Игнис.

— Ты закончила, Зорчая? — его голос прозвучал непривычно низко, с какой-то новой, вибрирующей нотой.

— Первый этап внедрения системы завершен, Ваше Величество, — я постаралась придать голосу максимально профессиональный тон, хотя сердце решило нарушить трудовой распорядок и забилося вдвое быстрее. — Теперь у каждого есть должностная инструкция.

Он медленно поднялся и сошел с возвышения. Каждый его шаг отдавался глухим эхом. Он подошел вплотную, сокращая дистанцию до того предела, за которым заканчивается деловое общение и начинается нечто несанкционированное. От него пахло раскаленным камнем и ночным дождем.

— Знаешь, Элария... — он склонил голову, и прядь черных волос коснулась его лба. — Я видел, как мои враги дрожали перед пламенем. Но я никогда не видел, чтобы мои друзья так бледнели перед листом бумаги. В тебе есть сила, которую нельзя измерить магией, но которая подчиняет себе мой замок эффективнее любого проклятия.

Его рука медленно поднялась, и я замерла, ожидая чего

удочно. Но он лишь аккуратно, кончиками пальцев, поправил выбившийся локон у моего виска. Я почувствовала жар его кожи — сухой, властный, манящий. В золоте его глаз плясали крошечные искры, и это был не гнев. Это было признание равной.

— Ты чертовски опасная женщина, — прошептал он, и его губы тронула почти незаметная, но пугающе искренняя улыбка. — И мне не терпится увидеть, что еще ты планируешь «оптимизировать» в моей жизни.

Я сглотнула, крепче прижимая к себе папку с документами, которая внезапно показалась мне единственным щитом между мной и этим первобытным пламенем. — В графике на завтра у нас аудит винных погребов и инвентаризация личного имущества, — ответила я, надеясь, что мой голос не дрожит так же, как коленки.

Вальдариан негромко рассмеялся — глубоким, рокочущим смехом, от которого в зале мелко задрожали витражи. — Аудит? Что ж... Пойдем, мой Главный Зорчий. Кажется, мне пора показать тебе мои самые темные и «неучтенные» секреты. Посмотрим, хватит ли у тебя бланков, чтобы описать их все.

Вальдариан.

Воздух во внутреннем дворе был настолько сухим, что едва не воспламенялся при каждом моем выдохе. Под моей ладонью копошилось нечто жалкое, воняющее дешевым элем и

застарелым потом — стражник, который проспал свою смену. Моя магия требовала выхода, она рвалась наружу золотыми искрами, готовая превратить этого бездельника в горстку пепла. Я уже чувствовал, как в горле закипает истинное пламя.

— Ваше Величество, придержите пламя! — этот звонкий, возмутительно спокойный голос полоснул по моим нервам сильнее, чем вражеский клинок.

Эллария возникла из ниоткуда, вклинившись в узкое пространство между моей когтистой лапой и каменной стеной. Она стояла так близко, что тепло её тела смешивалось с жаром моего гнева.

— Статья триста двенадцать! — отчеканила она, глядя мне прямо в глаза, в которых сейчас плескалась расплавленная Бездна. — Выговор — да. Но оторвать голову без объяснительной — это юридический хаос! Мы только вчера утвердили структуру, не превращайте её в решето своими импульсивными казнями.

Я почувствовал, как из ноздрей вырвалась струйка густого сизого дыма. Её дерзость граничила с безумием. Я подался вперед, нависая над ней всей своей мощью, обдавая запахом озона и серы.

— Ты защищаешь этот мусор? — мой рык заставил витражи в ближайшей башне мелко задрожать. — Он поставил под удар безопасность моих ворот. В этом замке за такое платят кровью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.